

Львов-Рогачевский Василий Львович

Поэзия новой России
Поэты полей и горокраин

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Львович Л.**
Поэзия новой России: Поэты полей и горокраин / Львов-Рогачевский Василий Львович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 192 с.

ISBN 978-5-519-94256-0

ISBN 978-5-519-94256-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В своих лекциях, журнальных статьях и рецензиях я много раз в течение 1911, 12, 13, 14 годов отмечал с великою радостью и светлой надеждой нарождение целой группы талантливых писателей, кровно связанных с крестьянской и пролетарской интеллигенцией. В своей книге „Снова накануне“, вышедшей в Москве в 1913 году, я писал: „пролетариат уже выдвинул свою стойкую, сильную интеллигенцию. Эта новая пролетарская интеллигенция уже взяла на свои плечи и уже выполняет их огромную работу. Она душою окрепла и заговорила в годы повального бегства, в годы тьмы и разединения, одичания и скитальчества когда, отхлынули внешние воды и когда река перестала играть. Она вышла из массы, а не пришла в массу. О настроениях ее красноречиво говорят стихи и статьи писателей самоучек, ее журналы, ее неустанная энергия“... (стр. 162) Когда я указывал, что общественность и литература стоят не у последней, а у *новой* черты, когда я указывал на новых писателей из нового социального слоя, меня упрекали в преувеличениях. Теперь уже нельзя отрицать слишком очевидный *исторический факт*: новый класс говорит в литературе свое слово. Мы являемся свидетелями большого подъема творческих сил среди тех, которых называли „низами“. Новым писателям предстоит огромная работа, им надо оглянуться на пройденный путь учесть свои силы. Творческая работа идет по двум руслам: у представителей крестьянской и рабочей интеллигенции

свои темы, свои приемы работы, свой стиль и свой язык. Сопоставляя тех и других, мы глубже вскрываем значение поэзии писателей-рабочих. „Первым предтечам“ большого движения в литературе придется пройти через студии, через изучение техники, через критический пересмотр работы предшественников. Не преувеличивая свои силы, новые писатели должны стремиться найти свой стиль и новое вино влить в новые мехи. Эта книга поможет подвести итоги сделанному и наметить пути дальнейшей работы.

В. Львов-Рогачевский.

ГЛАВА I

У поэтов полей и предместий, выступивших шумной толпой на красноогненном фоне революционной грозы, у поэтов, увлеченных идеей „социальности“, захваченных идеалом социалистического переустройства, были свои пророки и свои предтечи, их появление в литературе было предопределено. Развитие русской общественности и литературы было исторически необходимо, как выступление разночинного слоя после падения Севастополя и смерти Николая I, в эпоху крушения мертвого царства, в эпоху крушения дворянского, помещного землевладения, покоившегося на несвободном труде крепостных.

Уже в 30-е—40-е годы появляются первые ласточки разночинной весны: сын Воронежского прасола А. В. Кольцов, умерший 33 лет от чахотки в 1842 г., и критик, приветствовавший и растолковавший его, В. Г. Белинский, сын лекаря, разночинец-социалист). В конце пятидесятых и в начале 60-х годов выступают целым строем беллетристы, поэты и критики, кровно связанные с демократической Россией: Н. Успенский, Н. Помяловский, Г. Успенский, Решетников, Левитов, Благосветлов, Чернышевский, Добролюбов, Антонович, Никитин, Т. Шевченко и др.

В 1861 г. сходят в могилу один за другим три писатели, возвещавшие своим творчеством новый период русской литературы, период ее демократизации. Это были сын воронежского мещанина „поэт-дворянин“, побывавший в бурсе, Иван Никитин, поэт—бывший крепостной, Тарас Шевченко, и, наконец, критик, давший смелую оценку их творчеству, сын священника Н. А. Добролюбов.

Если Белинский в последние годы заговорил о проклятых вопросах современности, противопоставил гоголевское пушкинскому,

поэта — глашатая противопоставил поэту — эхо, поэзию, отражающую социальность, противопоставил так, называемому, чистому искусству, то Н. А. Добролюбов завершил и развил до конца дело, начатое Белинским.

И если Белинский, Добролюбов и Г. И. Успенский были пророками социальной поэзии, поэзии, кровно связанной с народной массой, то Кольцов, Никитин, Шевченко были предтечами современных нам поэтов крестьян и рабочих, и нам придется не раз говорить о них.

Уже В. Г. Белинский в своей замечательной статье о „Евгении Онегине“ Пушкина и позднее „О жизни и сочинениях Кольцова“ (1846) проводил резкую грань между поэтами дворянского периода и поэзией нового слоя. Не будучи марксистом, В. Г. Белинский метко чертил классовый бессознательный уклон в поэзии Пушкина и поэзии Кольцова. Говоря о творце Онегина, великий критик замечает: „личность поэта так полно и ярко отразившаяся в этой поэме, везде является такой прекрасной, такой гуманной, но в то же время, по преимуществу, артистической. Везде видите в нем человека душой и телом принадлежащего к основному принципу, составляющему сущность изображаемого класса: короче, везде видите русского помещика. Он нападает в этом классе на все, что противоречит гуманности, но принцип класса для него — вечная истина... И потому в самой сатире его так много любви, самое отрицание его похоже на одобрение и любовование“. (Белинский, т. 3, стр. 421, статья „Евгений Онегин“).

Говоря о поэзии Кольцова, В. Г. Белинский отмечал совершенно иначе черты: он указывал, что в своей области Кольцов был сильнее, ярче Пушкина, который мог подойти к Кольцовским темам только извне, ибо был человеком иной среды, иного быта. По его словам: „Русские песни мог создать только русский человек, сын народа в таком смысле, в каком и сам Пушкин не был и не мог быть русским человеком; по причине резкого разрыва, произведенного реформой Петра Великого между образованным классом общества и массой народной“ (т. 3, стр. 685). Так писал критик разночинец и указывал на источники, питавшие поэзию поэта-прасола: — „Кольцов родился для поэзии, которую он создал. Он был сыном народа в полном значении

этого слова. Быт, среди которого он воспитался, был тот же крестьянский быт, хотя несколько и выше его. Кольцов вырос среди степей и мужиков. Кольцов знал и любил крестьянский быт, как он есть на самом деле, не украшая и не поэтизируя его. Поэзию этого быта он нашел в самом этом быте, а не в риторике и в пиитике, не в мечте, даже не в фантазии своей, которая давала ему только образы для выражения уже данного ему действительностью содержания и поэтому в его поэзию смело вошли и лапти, и драные кафтаны, и всклокоченные бороды, и старые онучи—и вся эта грязь превратилась у него в чистое золото поэзии“.

Г. И. Успенский в своем очерке „Поэзия земледельческого труда“ посвящает Кольцовскому творчеству несколько страниц, и эти несколько страниц стоят целого исследования.

Г. И. Успенский развивает мысли, намеченные Белинским, и еще резче выявляет основные социальные черты нового поэта. Сравнивая отношение к природе М. Лермонтова, украшавшего и воспевавшего ее, напр. в стихотворении „Когда волнуется желтеющая нива“ и—Кольцова („Урожай“ и „Ах ты степь моя“), Г. Успенский говорит о Лермонтове, собравшем в одно стихотворение „малиновую сливу“ и „ландыш серебристый“: „Вы видите, что поэт, случайный знакомец природы, что у него нет с ней кровной связи, иначе он не стал бы выбирать из нее отборные фрукты, прикрашивать их и размещать по собственному усмотрению. Совсем не то в „Урожае“ Кольцова: здесь все просто, обыкновенно, взята одна только нива желтеющая, на которой сосредоточены все заботы земледельца, сосредоточены все его думы“ (Успенский, т. 2, стр. 543). Успенский разбирает ряд стихотворений Кольцова, в которых нет артистизма, нет украшений, но зато, что ви слово—то тайна крестьянского мирозерцания.

Вкусы, влечения, радости земледельца Успенский противопоставляет настроениям образованного поэта дворянина, подходящего к крестьянину со стороны. „Что могло вдохновить, хотя бы и самого Пушкина при виде пахущего пашню мужика, его клячи и сохи?—спрашивает Г. И. Успенский, и отвечает:—Пушкин, как человек иного круга, мог бы только скорбеть, как это и было, об этом труженике, „влачащемся по браздам“, о ярме, ко-

торое он несет, и т. д. Придет ли ему в голову, что этот кое-как, в отрепья одетый раб, влачащийся по браздам, босиком бредущий за своею кляченкой, что бы он мог чувствовать в минуту этого тяжелого труда что либо, кроме сознания его тяжести. А мужик изображаемый Кольцовым, хотя и влечется по браздам, хотя и босиком плетется за клячей, находит возможным говорить этой кляче такие слова: „Весело я лажу борону и соху, телегу готовлю, зерна насыпаю“... „Весело на пашне, я сам-друг с тобою, слуга и хозяин“. Это новое крестьянское трудовое отношение к природе Успенский связывает с интересами трудового крестьянства, как определенной социальной группы, совершенно отличной от других групп. Поэтические представления крестьян-землеробов и их певца он ставит в зависимость от особенностей земледельческого труда. После глубокого разбора хозяйственных отношений для Успенского стало совершенно ясно, что творчество в земледельческом труде, поэзия его, его многосторонность составляют для громадного большинства крестьянства нашего жизненный интерес, источник работы мысли, источник работы его взлядов на все окружающее его, источник едва ли не всех его отношений частных и общественных. Множество явлений русской жизни, русской действительности оказываются необъяснимыми или объясняются фальшиво, ложно и досадно терзают нашу наблюдательность, потому только, что источник этих явлений отыскивается не в особенностях земледельческого труда, сотканного из непрерывной сети на первый взгляд ничтожных мелочей, а в чем либо другом“ (Успенский, т. 2 стр., 543). Но в песнях поэта-прасола, наезжавшего часто в степь по торговым делам отца-мещанина, была одна черта, недостаточно отмеченная и Белинским и Успенским: Кольцов воспел радость земледельческого труда, вообще, воспел радость труда в дни покоса, в урожайный год, воспел красоту и радость привольной степи, но он ни словом не обмолвился о крепостной России, о „каторжной стороне“ рабского труда, о строе отношений, когда земледелец „покорствуя бичами“, влачился по браздам неумолимого владельца. Эту каторжную сторону подневольного рабского труда и подневольного существования раскрыл с поразительной силой, с пламенным гневом возмущенного человека бывший крепостной крестьянин, вынесший на своих плечах все „тягости ярма“, Тарас Григорьевич Шевченко,

выросший на песнях украинских кобзарей и на русской литературе. В его „Кобзаре“ социальность выступает не только в виде „особенностей“ земледельческого труда, как воздействие рабочей силы на природу, но и в виде особенностей подневольного рабского труда, в виде резкого противопоставления интересов двух групп, господ и рабов, в виде мучительных социальных противоречий крепостного общества. Т. Г. Шевченко в своей поэзии, равно дорогой и русским, и украинцам, сделал то, чего не могли сделать ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Гоголь, ни даже поэт-прасол Кольцов, отравленный „материальностью“ торговых дел.

По-истине первым народным поэтом, поэтом революционным был Т. Г. Шевченко.

Если Кольцов, сын народа, не ведавший цепей рабства, мещанин, вырос в быте близком крестьянскому, „хотя и несколько выше его“, то Шевченко—сам закрепощенный народ, Шевченко—невольник, закованный в цепи, и он в самом подневольном труде слышит прежде всего звон цепей.

Только человек, вынесший на своих плечах весь ужас крепостничества, все зло социальной несправедливости, мог с таким постоянством, с такой твердостью и беспощадностью каждую свою думу посвящать одной великой мечте. Он сам отделил себя от поэтов сладкогласных, певцов для гостини, певцов деревенской Аркадии, называющих „хатину в гап тихим раем“.

„Як би ви знали, паннчи,
Де люде плачут, живучи,
То ви б елегий не творили,
Та марне Бога б не хвалили,
На напн сльози смиючись...
... Я в хати мучився колись,
Мои там сльози пролились,
Найперши сльози...“

Эти „слезы—кровь“ поэт претворил в свои образы. Свои слезы он сумел слить со слезами братьев, свои мечты он овеял легендой украинского народа. Он „родился и вырос в неволе“, он обращался к тем, кто вынес „лютую муку“ рабства, он шел туда, где раздавался людской плач, туда, где „живи люди в кайданах забити“. Родная хата помогла ему читать „черные страницы“ настоящего, помогла ему понять „вдову небогу“ „заплаканную Украину“, „окра-

денную землю". Степные курганы — могилы легендарных героев рассказали ему о бурном прошлом „славной Украины“ и о сынах „славной воли“.

Личные переживания, переживания закабаленного народа, народная легенда дали поэту не книжный, а живой материал.

Прожил на свете Т. Шевченко всего 47 лет, из них 24 года был крепостным, а 10 лет содержался в крепостях и казармах. 34 года рабства! Выкупленный за 2500 рублей у своего барина в 1838 году, 22 апреля, поэт стал пламенным певцом свободы и ненавистником муштры для того, чтобы через несколько лет (1847 г.) на своих плечах почувствовать всю прелесть николаевской муштры и целые годы маршировать или, по выражению Кулиша, „гулять“ з важным ранцем пид ружжем“.

Шевченко не сочиняет изящные салонные стихи, он поет свои песни-думки, и эти песни-думки он творит вместе с закрепощенным людом; он возвращает народу те сокровища, которые берет у народа.

Н. В. Гоголь называл песни народные „звонкими живыми летописями“ и говорил, что для малороссов „песня — все: поэзия, история и отцовская могила“. „Мы ведем свое происхождение, — читаете вы у Кулиша, — от своих рапсоdistов, как греческие писатели образованного века вели его от Гомера“. Разве не вспоминаете вы это, читая книгу Т. Шевченка?! Вам даже кажется порой, что вы не читаете, а слышите „Кобзаря“, его рокочущие струны. Поэзия Т. Шевченка впитала „звонкие живые летописи“, зрячий кобзарь, пришедший „святому разуму учить“ собрал в своем творчестве песни и думы, плач и пророчества слепых кобзарей.

„Шевченко не подражал народным песням — говорит о нем Костомаров — Шевченко не имел целью ни описывать своего народа, ни подделываться к народному тону. Ему незачем было подделываться, когда он по природе своей иначе не говорил“.

Шевченко продолжал дело народных певцов. Он, пришедший в литературу из народа, явился как бы устами и сердцем народа. Поэт не отделялся от массы, от ее быта, переживаний и чувств. Он так же наивно и трогательно с библейской простотой и детской безыскусственностью вспоминает то, что слышал от своего

столетнего деда и от кобзаря, который „Заспивает—засмеется, а на слезы звернет“.

Его поэмы, ушедшие в прошлое, вскрывали социальную рознь настоящего. Ведь, он рассказывал, как нисшие слои при поддержке казаков, боролись не на живот, а на смерть с дворянством, презиравшим „мужицкую веру“, и мужицкую речь. Он будил чувство ненависти к притеснителям и жажду свободы. За его картинами прошлого поднималось страшное лицо крепостной эпохи, когда не стало Сечи, когда сотни тысяч крепостных крестьян были розданы любимцам Екатерины в собственность, когда Украина из „славной“ стала „заплаканной“, когда на фоне мертвого царства вставала „вдова ‘небога‘“, вставали „живи люди в кайданах забити“.

Кольцов раскрыл поэзию земледельческого труда, Шевченко — трагедию рабства...— „Он слишком глубоко чувствовал, слишком был близок бездольней голоте. Крепостное горе всегда стояло перед его глазами“ — так писал о Т. Шевченко поэт Жемчужников.

Основная тема поэта—крепостное право. Шевченко был плотью от плоти бездольной голоты, он рисовал не пряничные фигуры, а своих братьев близких ему по крови, он не отделял себя от массы. С огненной силой клеймил он панов, но не щадил и слепых невольников, которые молча носили свои кайданы и гнули шею под ярмо.

В поэмах и песнях поэта постоянное противопоставление двух миров. Господа „кайданами миняются, правдою торгуют, людей запрягают в тяжки ярма, орють лихо, лихом засивают“, они любят на брате „шкуру, а не душу“, они отнимают у мужика „дочку й теличку“, они говорят о себе: „продаем, або у карти програем людей— не негрив, а таких, таких хрещених, но простих“.

Веселье палат песет с собою хате страданье и горе. „Гуляе князь, гуляють гости... а голод стогне на сели“. Ганнуса до паныча ходила, „пока дитину привела, та у криници й затопила“...

Чтобы ярче подчеркнуть весь ужас царства мертвых душ, поэт вспоминает прошлое Украины, край „прекрасный, роскошный, богатый“, поэт рисует идиллию, мирную тишь... Природа точно вскрывает уродство человеческих отношений: „Украина повята красою“, а за этой красотой встают нищета и бесправие.

Поэт показывает, что творится в этом „раю“, какая трагедия скрывается в этой идиллии. Бывший крепостной пастух ненавидел арыадских пастухов и пастушек.

Т. Шевченко, конечно, прекрасно сознавал, что крепостное право было фундаментом, на котором возвышалась вся система николаевской эпохи. Свою ненависть к этой системе поэт выразил в целом ряде стихотворений („Юродивый“, „Сон“, „Кавказ“ и т. д.).

Не как летописец и созерцатель, не как наблюдатель и артист, а как судья и мститель, как потерпевший, свидетель и избранник народа, как революционер, поэт смотрел на все, что творилось кругом, и рисовал это настоящее правдивыми, реалистическими чертами. Он проклинает деспотов всего мира и он ищет всюду поборников воли.

Он сам был таким „поборником воли“, вот почему каждое слово его было живым словом, словом-делом, словом, в котором запеклась кровь, и это слово никому не удалось „заковать“.

Для поэта писать—это биться за волю и правду, благовестить братолюбие и вносить сознание. Об этом он много раз говорил в целом ряде своих произведений: „Тризна“ (на русском языке), „Пророк“, „До Основьяненка“, „Марку-Вовчку“ и т. д.

Обращаясь к писательнице Марку-Вовчку, Т. Шевченко приветствовал в ней „кроткого пророка и обличителя жестоких“, „людей неситих“.

Сам поэт не был пророком кротким. Тишину своей души, тишину своей Украины, „псолом и тихий и веселий“ он оставлял в стороне, берег до лучших времен, которых не дождался. Ему нужна была бурнопламенная сила для борьбы.

Он обращается к Матери Распятого, к „Скорбящих радости“ и молит Ее, „ридаючи“:

... пошли

Подаи души убогии силу,
Щоб огненно заговорила,
Щоб слово пламенем взялось,
Щоб людям сердце растопило
И на Украину понеслось,
И на України святилось
Те слово—Божее кадило,
Кадило истини!..